
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.14

*А.С. Закотянский**

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье на примере практики Самарской области анализируются проблемы, возникающие при производстве дознания в сокращенной форме, а также предлагается возможный путь их решения.

Ключевые слова: доказывание по уголовным делам, дознание в сокращенной форме, упрощение уголовного процесса.

Критика самого по себе факта введения упрощенных производств [1, с. 18, 22; 2, с. 149–150] кажется несколько преждевременной: стремясь удешевить и ускорить уголовный процесс, законодатель не обязательно делает подозреваемого, обвиняемого или подсудимого абсолютно бесправными, а упрощенную процессуальную форму – необратимой.

Но является nonsensом и с точки зрения практики, и с точки зрения теории доказательств право дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме прямо использовать в доказывании результаты познавательных действий, форма проведения которых никак не урегулирована УПК РФ – объяснений лиц и исследований предметов, документов и трупов, проведенных в ходе проверки сообщения о преступлении (п. 1–3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Поскольку дознание в сокращенной форме предполагает последующее вынесение приговора в особом порядке, при котором суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (ч. 1 ст. 226.9, ч. 5 ст. 316 УПК РФ), то вынесение итогового процессуального решения также становится возможным на основании непроцессуальной (деформализованной) информации, полученной из «объяснений» и «исследований».

Таким образом, дознание в сокращенной форме допускает возможность одновременного упрощения досудебного и судебного этапов уголовного процесса вплоть до

* © Закотянский А.С., 2015

Закотянский Алексей Сергеевич (zakotyanskyas@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

принятия процессуальных решений исключительно на основании непроцессуальной информации. К схожим выводам, критикуя данную упрощенную форму процесса, приходят и многие ученые [3, с. 15, 18–19; 4, с. 27–30; 5, с. 34–35].

Однако подобная возможность одновременной «деформализации» всех этапов процесса при дознании в сокращенной форме носит скорее гипотетический характер — по крайней мере, об этом свидетельствует обзор практики Самарской области.

Анализ материалов 52 дел, расследованных путем производства дознания в сокращенной форме, показывает, что процессуальное использование объяснений реально возможно только по 11,5 % дел, где до получения объяснений лицу разъясняются права по аналогии с его реальным процессуальным статусом, аналогичные объему прав свидетеля или подозреваемого. Вместе с тем в большинстве дел, по которым в ходе проверки до возбуждения уголовного дела получались объяснения (69,3 %), последние нельзя назвать соответствующими даже весьма туманным требованиям ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ — в частности, не разъясняется право пользоваться услугами защитника, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа. Результатом выступает то, что ни в одном изученном уголовном деле, дознание по которому производилось в сокращенной форме, не было обнаружено указаний в обвинительном постановлении на объяснения свидетеля, потерпевшего или подозреваемого, полученные в ходе возбуждения уголовного дела, как на доказательства.

По 5,8 % дел в обвинительном постановлении в числе доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение, была указана «справка эксперта», фиксирующая — без описания методики проведенного исследования — результаты непроцессуального исследования изъятого водительского удостоверения или «больничного» листа с признаками подделки, проведенного до возбуждения уголовного дела [6]. Однако в материалах таких дел имелись и иные полученные процессуальным путем доказательства, подтверждающие корректность результатов непроцессуального исследования — в частности, ответы на запросы дознавателя из органов ГИБДД о лишении лица права управления транспортными средствами, из территориального отделения Фонда социального страхования и медицинского учреждения об отсутствии факта выдачи подозреваемому листа временной нетрудоспособности.

При производстве дознания в сокращенной форме допускаются отдельные отступления от требований процессуальной формы, выработанных в рамках теории доказательств и криминалистики, но они не превращают процессуальные решения в основанные исключительно на недопустимых доказательствах.

Так, общим требованием, обеспечивающим допустимость доказательств, является возможность проследить их происхождение и гарантировать невозможность внесения в них изменений. Но, например, по уголовному делу № 1–42/14 [7], где осматривается пневматический автомат (орудие совершения преступления — угрозы убийством), появившийся у дознавателя неизвестно каким образом и до производства осмотра никак не упакованный и не опечатанный, что подтверждается приложенной к протоколу осмотра фототаблицей. Единственное основание для предположения о возможном пути появления орудия преступления у дознавателя содержится в показаниях подозреваемого при допросе, согласно которым «пневматический автомат был выдан сотруднику полиции, производившему опрос на стадии возбуждения уголовного дела».

В деле № 1–26/14 [8] дознавателем осматривается видеозапись покушения на кражу в супермаркете, хотя в деле нет ни одного упоминания о возможном пути ее появления (она не изымалась при осмотре места происшествия и не представлялась при допросе потерпевшим).

Другим встречающимся на практике дознания в сокращенной форме отступлением от требований процессуальной формы является подмена предъявления для опознания

допросом потерпевших. Так, по делу № 1-32/14 [9] в протоколе допроса потерпевшей от 22.05.2014 г. содержится следующая фраза – «22.05.2015 г., ожидая допроса в коридоре отдела дознания, я увидела человека, после покупки которым пива в розлив у меня из-за прилавка пропали 1 500 рублей, позднее узнав от сотрудников полиции, что это подозреваемый О.».

Однако указанные нарушения или отступления от требований процессуальной формы нельзя назвать уникальными именно для дознания в сокращенной форме (например, проблема подмены одних следственных действий другими возникла задолго до появления данной упрощенной формы уголовного процесса) либо имеющими системный характер.

Ни по одному из перечисленных дел, где были допущены отдельные нарушения требований процессуальной формы, нельзя говорить о принятии итоговых процессуальных решений на основании недопустимых доказательств (непроцессуальной информации). По всем делам, помимо показаний подозреваемого, данных с участием защитника, имеются иные доказательства, которые в совокупности позволяют сделать вывод о виновности лица.

Так, протокол допроса потерпевшего по указанным выше делам 1-12/14 и 1-26/14 (покушение на совершение кражи продуктов из супермаркета) содержит сведения о том, что магазин оборудован системой видеозаписи, съемка с которой была предоставлена сотрудниками полиции при производстве осмотра места происшествия либо показания свидетеля – администратора магазина о непосредственном наблюдении им по системам видеонаблюдения преступных действий подозреваемого. Протокол допроса потерпевшей по делу № 1-42/14 (угроза убийством) содержит однозначные сведения, полученные от наблюдавшего совершение преступления лица, об использовании при угрозе убийством реалистичной имитации автомата «АК-47» и об известности подозреваемого потерпевшей, являющейся сотрудницей ЖЭУ, куда подозреваемый неоднократно обращался до совершения преступления.

Гораздо более тревожной представляется другая тенденция, «реанимирующая» идеи о признании как «царице доказательств», возможность возникновения которой прогнозировалась в науке [10, с. 43].

Согласно ч. 2 ст. 77 УПК РФ, признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Часть 3 ст. 226.5 УПК РФ, устанавливающая особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, не устанавливает никаких прямых исключений из данного основополагающего, с учетом не столь давней российской истории и общемирового негативного опыта, правила о недопустимости придания исключительной роли признанию в совершении преступления.

Несмотря на это, из анализа материалов 8 из 52 (15,4%) изученных дел следует, что вывод о виновности основан лишь на показаниях подозреваемого, данных в присутствии защитника по назначению.

Так, по уголовному делу № 1-64/14 [11] у потерпевшего, менявшего колеса на автомобиле, украли 2 покрышки, пока он спускал на лифте к автомобилю 2 оставшихся колеса. Хотя в материалах дела имеются протоколы осмотра места происшествия и допроса потерпевшего, они никакой значимой для дела информации не содержат, так как потерпевший ничего подозрительного не заметил, а на месте происшествия никаких следов обнаружено не было. В связи с этим вывод о совершении преступления О. основан фактически на его чистосердечном признании и показаниях, данных в присутствии защитника по назначению, где он сознается в совершении преступления.

Другим примером является уголовное дело № 1-33/14 [12] о совершении покушения на кражу из супермаркета жевательных резинок и поводка для собаки. В деле имеется протокол осмотра места происшествия с участием понятых, в ходе которого специалистом изъяты видеозапись покушения на кражу и получены отпечатки пальцев с украденных вещей на дактилоскопическую пленку, а также показания потерпевшего, из которых следует фиксация покушения на кражу системами видеонаблюдения магазина.

Однако при более внимательном изучении материалов дела видно следующее:

- при производстве опросов на стадии возбуждения уголовного дела сотрудникам магазина, которые утверждали о фиксации покушения на кражу посредством видеонаблюдения, не разъяснялись какие-либо права, обязанности и ответственность;
- осмотр видеозаписи с участием понятых фиксирует отсутствие на ней съемки не только самого покушения на кражу (видно только, что лицо кладет продукты питания со стеллажей в корзинку для покупок и ходит с ней по магазину), но и выдачи украденного в служебном помещении супермаркета;
- судебная дактилоскопическая экспертиза свидетельствует об обнаружении на украденных товарах отпечатков пальцев, не принадлежащих подозреваемому;
- потерпевший (начальник службы безопасности сети супермаркетов) дает показания о том, что о факте покушения на кражу ему известно со слов сотрудников магазина, которые в качестве свидетелей по делу не допрашивались.

В связи с этим вывод о совершении преступления У. снова в значительной мере основан на его чистосердечном признании и показаниях, данных в присутствии защитника по назначению, где он сознается в совершении преступления.

Другим примером является уголовное дело № 1-71/14 [13] по обвинению в краже нескольких спортивных костюмов. По данному делу у администратора магазина якобы имелись основания подозревать конкретное лицо в совершении кражи 06.09.2014 г., поскольку Д. взял в примерочную кабинку больше костюмов, чем осталось в ней после того, как он покинул магазин. 22.09.2014 г., увидев Д., которого администратор якобы хорошо запомнил, в соседней секции, последний вызвал охранника торгового центра и затем обратился с заявлением о возбуждении уголовного дела. При подозреваемом действительно были найдены украденные вещи, но из другого магазина, расположенного в том же торговом центре, о чем было возбуждено отдельное уголовное дело.

Указанные сведения были сообщены администратором магазина на допросе в качестве потерпевшего, однако конкретных признаков внешности, по которым он опознал подозреваемого, допрашиваемым сообщено не было. Видеозапись происшедшего, несмотря на наличие в магазине системы видеонаблюдения, также отсутствовала.

При таком предположительном характере доказательств (показаний потерпевшего и «склонности к совершению аналогичных преступлений», следующей из обстоятельств задержания) в основу обвинения были фактически положены показания подозреваемого, данные с участием защитника по назначению.

Указанная тенденция вызывает особые опасения в связи с тем, что по всем изученным делам ознакомление подозреваемого с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела происходило с участием защитника по назначению, который как профессионал должен был бы видеть, что допрос подозреваемого с участием защитника, в противоречии с ч. 2 ст. 77 УПК РФ, образует единственное доказательство инкриминируемого преступления, однако замечания у защитников неизменно отсутствовали, а единственными заявленными ими по делу ходатайствами были ходатайства о вознаграждении из бюджета за участие в деле по назначению.

Закрепленные законодателем гипертрофированные гарантии возврата к общей процедуре, предусматривающие необходимость повторного производства дознания по делу

в общем порядке по простому заявлению участников процесса или по инициативе суда, прокурора, в том числе при наличии оснований предполагать самооговор (п. 3 ч. 1 ст. 226.8, ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ), которые, по мнению ученых, делают упрощенную процедуру «всецело зависимой от воли обвиняемого и потерпевшего» [3, с. 15,18], фактически не обеспечивают защиты от использования «царицы доказательств» как единственного доказательства вины в условиях бездействия защитников по назначению и правовой неграмотности подозреваемых, являющихся в подавляющем большинстве случаев страдающими наркотической или алкогольной зависимостью лицами со средним или неоконченным средним образованием и низким уровнем дохода.

В связи с изложенным представляется, что основным доводом против введения данной упрощенной процедуры является не гипотетическая вероятность вынесения приговора по расследованному в рамках такой упрощенной процедуры делу на основании только непроцессуальной информации, а заметная на практике возможность возрождения теории формальных доказательств в рамках дознания в сокращенной форме, чреватая произволом, пытками и прочими крайностями, которых в современном правовом государстве быть не должно.

Кроме того, если проанализировать предмет преступных посягательств, расследуемых путем производства дознания в сокращенной форме, то видно следующее. В результате случайной выборки, по данным интернет-проекта «РосПравосудие», 300 уголовных дел, рассмотренных в Российской Федерации в период с 01.01.2014 г. по 31.03.2015 г. на основании результатов дознания в сокращенной форме, обнаружено, что 47% из них составляют дела по обвинению в совершении преступления (покушения на преступление), предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ (Кража); 14,6 % – по обвинению в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ (Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков); 12,6 % – по обвинению в ч. 1 ст. 119 УК (Угроза убийством) [14].

При этом предметом преступного посягательства при совершении кражи (покушения на кражу), составляющих почти половину от общего числа рассмотренных путем производства дознания в сокращенной форме дел, в большинстве случаев является примерно следующее: «72 плитки шоколада стоимостью 1302 рубля»; «2 бутылки ликера и коробка конфет стоимостью 1300 рублей»; «автомагнитола стоимостью 1200 рублей»; «12 шампуней для головы стоимостью 1612 рублей»; «палка колбасы, плитка шоколада, 6 упаковок сарделек стоимостью 1182 рубля»; «2 бутылки виски стоимостью 1700 рублей»; «свитер и ботинки стоимостью 3130 рублей»; «84 жевательные резинки и поводок для собаки стоимостью 1182 рубля»; «куртка мужская весенняя стоимостью 2500 рублей»; «палка колбасы, 2 пакета вина, 3 пачки мыла, 2 дезодоранта женских, половина охлажденной тушки курицы, упаковка семян перца и помидора стоимостью 1232 рубля».

Представляется, что упрощение уголовного процесса в форме, предусмотренной главой 32.1 УПК РФ, да еще порождающее тенденцию к применению признания вины как единственного доказательства, положенного в основу приговора, при подобных предметах преступного посягательства вовсе не выглядит разумным – заставляя дознавателей тратить время и соблюдать или имитировать соблюдение требований процессуальной формы по делам, наносимый которыми вред в современных экономических условиях не выглядит требующим применения уголовной репрессии.

Говорить о том, что дознание в сокращенной форме отражает мировую тенденцию к сближению частного и публичного права или расширяет сферу действия договорных начал в уголовном процессе, на основании вышеизложенного представляется невозможным. Скорее, эта форма упрощенного производства отражает негативную черту российского правоприменения – «деятельность не ради социально полезного

результата, а ради самого процесса», возводя подобное явление в ранг допустимого законом. Возможно, более оптимальным путем для законодателя, позволяющим достигнуть разумной процессуальной экономии и эффективного производства дознания по более тяжким делам в общем порядке, было бы не введение подобных дознанию в сокращенной форме упрощенных производств, а расширение числа административно наказуемых деяний.

Библиографический список

1. Александров А.С., Лопатников М.В., Терехин В.В. Этапы «Большого пути» русского уголовно-процессуального права от полусостязательности – к инквизиции // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 17–18 апреля 2014 г.). Уфа, 2014. С. 9–26.
2. Победкин А.В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием Устава уголовного судопроизводства) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 143–150.
3. Александров А.С., Лопатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12–19.
4. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 22–30.
5. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 32–36.
6. Уголовное дело № 1-70/14 по обвинению В.С.И. по ч. 3 ст. 327 УК РФ (Архив судебного участка № 36 Самарской области); уголовное дело № 1-38/2014 по обвинению А.А.Ф. по ч. 3 ст. 327 УК РФ (Архив судебного участка № 32 Самарской области).
7. Уголовное дело № 1-42/14 по обвинению И.А.К. по ч. 1 ст. 119 УК РФ (Архив судебного участка № 32 Самарской области).
8. Уголовное дело № 1-26/14 по обвинению С.А.Д. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 35 Самарской области).
9. Уголовное дело № 1-32/14 по обвинению В.Н.О. по ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 36 Самарской области).
10. Баев М.О., Баев О.Я. Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 41–49.
11. Уголовное дело № 1-64/14 по обвинению В.Н.О. по ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 36 Самарской области).
12. Уголовное дело № 1-33/14 по обвинению С.С.У по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 35 Самарской области).
13. Уголовное дело 1-71/14 по обвинению Д.А.С. по ч. 1 ст. 158 УК РФ (Архив судебного участка № 35 Самарской области).
14. Сайт «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 31.03.2015).

References

1. Aleksandrov A.S., Lopatnikov M.V., Terekhin V.V. Stages of «Big Way» of Russian criminal procedural law from the semi-adversarial – to the inquisition. *Aktual'nye problemy vzaimosvazi ugovornogo prava i protsess: sbornik materialov Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Ufa, Institut prava BashGU, 17-18 apreliia 2014 g.)* [Actual problems of relationship of the criminal law and procedure: collection of materials of All-Russian scientific and practical conference with international participation (Ufa, Institute of Law of Bashkir State University, 17–18 April, 2014). Ufa, 2014, pp. 9–26 [in Russian]
2. Pobedkin A.V. The publicity that we lost (reflections in connection with the 150th anniversary of the Statute of Criminal Proceedure). *Sudebnaia vlast' i ugovovnyi protsess* [Judicial power and criminal procedure], 2014, no. 3, pp. 143–150 [in Russian].

3. Aleksandrov A.S., Lopatnikov M.V. Abbreviated inquiry: novels of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the complexity of their application. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure], 2013, no. 4, pp. 12–19 [in Russian].
4. Smirnov A.V. Enquiry in the abbreviated form: once again about the spirit of laws. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure], 2013, no. 6, pp. 22–30 [in Russian].
5. Kachalova O.V. Proving in the abbreviated form of inquiry. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure], 2013, no. 6, pp. 32–36 [in Russian].
6. Criminal case № 1-70/14 on a charge of V.S.I. under Part 3, Clause 327 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 36 of the Samara Region) [in Russian]; Criminal case № 1-38/2014 on a charge of A.A.F. under Part 3, Clause 327 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 32 of the Samara Region) [in Russian].
7. Criminal case № 1-42/14 on a charge of I.A.K. under Part 1, Clause 119 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 32 of the Samara Region) [in Russian].
8. Criminal case № 1-26/14 on a charge of S.A.D. under Part 3, Clause 30, Part 1, Clause 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 35 of the Samara Region) [in Russian].
9. Criminal case № 1-32/14 on a charge of V.N.O. under Part 1, Clause 158, Part 1, Clause 158 of the Criminal Code (Archive of judicial district № 36 of the Samara Region) [in Russian].
10. Baev M.O., Baev O.Ya. Notes about the latest changes to the Criminal Procedure Code (on the novels by the Federal Law № 23-FZ dated March 4, 2013). *Sudebnaia vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial power and criminal procedure], 2013, no. 2, pp. 41–49 [in Russian].
11. Criminal case № 1-64/14 on a charge of V.N.O. under Part 1, Clause 158, Part 1, Clause 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 36 of the Samara Region) [in Russian].
12. Criminal case № 1-33/14 on a charge of S.S.U. under Part 3, Clause 30, Part 1, Clause 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 35 of the Samara Region) [in Russian].
13. Criminal case 1-71/14 on a charge of D.A.S. under Part 1, Clause 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Archive of judicial district № 35 of the Samara Region) [in Russian].
14. URL: <https://rospravosudie.com>. Accessed 31.03.2015 [in Russian].

*A.S. Zakotyansky**

ANALYSIS OF THE PRACTICE OF INQUIRY IN THE ABBREVIATED FORM ON THE MATERIALS OF THE SAMARA REGION

In the article on the example of the practice of the Samara Region the problems arising from the inquiry in the abbreviated form are analyzed, and possible way of solving them is suggested.

Key words: proof on criminal cases, inquiry in the abbreviated form, simplification of the criminal proceedings.

* *Zakotyansky Alexey Sergeevich* (zakotyanskyas@mail.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.